

ЭТУ СТАТЬЮ вряд ли можно считать рецензией, хотя в ней есть анализ и оценка последних спектаклей театра. Ее не следует воспринимать и как документальный репортаж, уже хотя бы потому, что я не ставил перед собой такой цели. Это именно заметки, иной раз излишне беглые, возможно, в чем-то полемичные, но продиктованные искренним желанием ощутить и передать жизнь небольшого городского театра в кругу его проблем — больших и малых, «вечных» и преходящих, творческих и хозяйственных. Передать в той, разумеется, мере, в какой впечатления могли сложиться, а фактический материал накопиться за четыре дня пребывания в Армавирском драматическом. Итак...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

КРЫЛАТОЕ выражение Станиславского о том, что театр начинается с вешалки, часто и на все лады перефразируется. То театр начинается с пьесы, то с администратора, то с рекламы... Все это безусловно верно, как верно, на мой взгляд, и то, что театр начинается с фасада. Да, да, именно парадный вход в здание может создать соответствующий психологический настрой, предваряющий встречу с театральным праздником. Но может и не создать, если администрация этого обстоятельства не учитывает.

Судя по всему, в Армавире роль театрального фасада понимается верно. Здание вписано в шеренгу других равновысоких домов одной из центральных улиц, но не теряется среди них. Красивые фигурные фонари с вмонтированными театральными масками, светящиеся рекламные щиты, выложенное крупными буквами название театра на фронтоне, фотовитрины — все это выглядит достаточно привлекательно.

Теперь пройдем путем, которым вечерами следует армавирский театральный зритель. С улицы попадаем в кассовый вестибюль. Здесь можно видеть рекламу отдельных спектаклей, сводные репертуарные афиши, информацию о готовящихся постановках. Затем — нижнее фойе. Тут же гардероб и буфет. Чисто, светло, просторно, хотя и недостаточно тепло. (в Армавире в эти дни стояла морозная, ветреная погода). По широкой лестнице поднимаемся в небольшое, квадратной формы верхнее фойе с традиционными банкетками вдоль стен и актерскими портретами на стенах. Отсюда входы в зрительный зал, тоже небольшой (490 мест), но довольно уютный. Деревянные панели, новые удобные кресла, современные светильники... Единственный недостаток — ровный, без подъема пол, из-за чего неизбежно ухудшается видимость. Этот архитектурный просчет в какой-то мере исправляет поднятый выше обычного планшет сцены.

Подытожим наши первые впечатления. Завершившаяся

два года назад небольшая реконструкция (или большой капитальный ремонт) здания принесла несомненные плоды. Зрительская часть театра, хотя и не поражает размерами, но зато создает, говоря языком социологов, обстановку комфортабельности. Чего, увы, никак не скажешь о закулисной части театра.

Здесь уже холод прямо-таки уличный. Но это еще беда поправимая. Хуже другое. От са-

ЧЕТЫРЕ ДНЯ в Армавирском драматическом

Заметки театрального критика

мого служебного входа и до выхода на сцену идешь мимо застывших шеренг разобранных декораций. Хранилищ у театра нет, и груды деревянных и металлических конструкций сложены везде, где есть свободное пространство, — вдоль стен, вдоль лестницы на второй этаж... Бесформенные и загадочные, как остатки погибших цивилизаций, они громоздятся даже вокруг директорского кабинета, который, к слову сказать, понятие в данном случае весьма условное. Это единственная комната закулисной части, где обитают по очереди (а иногда и все вместе) директор, его заместитель, режиссура, общественные организации театра и так далее. Впрочем, есть еще две маленькие грибовидные. Всего две. На тридцать актеров.

Если ко всему этому прибавить полное отсутствие репетиционных помещений и мало-мальски сносных условий для работы художественно-постановочных мастерских, то приходится констатировать, что закулисная часть в общепринятом понимании этой ключевой театральной территории, у армавирцев попросту нет. Наверное, это звучит парадоксально (бывает ли ресторан без кухни или троллейбус без водительской кабины?!), но факт остается фактом. Разговоры о строительстве пристройки ведутся в Армавире давно и на разных уровнях, однако... То ли театр недостаточно настойчив, то ли руководители города не осознали до конца всей критичности ситуации, сказать не берусь. Но ясно одно — усло-

вий для нормального творческого процесса коллектив лишен. Это реальность, которую нельзя ни смягчить, ни оспорить.

Вместе с тем было бы ошибкой думать, что театр в городе существует на положении пасынка. И регулярная забота об улучшении быта творческих работников, и уже упомянутая реконструкция зала и фойе, и помощь материалами и оборудованием, и многое другое говорят о неослабном внимании городских властей к нуждам своего театра. Именно это вселяет надежду, что в скором времени к обновленной зрительской части будет, наконец, пристроена и закулисная.

При внимательном, беспристрастном взгляде на положение дел в театре нельзя не

репертуарными издержками.

К разряду издержек нужно, на мой взгляд, отнести и пьесу Ю. Авдеенко «Лунная радуга», премьерный спектакль. Очевидно, театром руководило похвальное стремление показать на сцене суровые армейские будни и тем самым отозваться на юбилей наших Вооруженных Сил. Между прочим, это единственный театр края, осуществивший такого рода постановку в канун 60-летия Советской Армии. Но, к сожалению, благие намерения коллектива оказались перечеркнутыми качеством драматургического материала. «Лунная радуга» из той категории ловко скроенных по готовым меркам пьес, в которых есть все, кроме «немногого» — жизненности драматических ситуаций и психологической прав-

сы и подлинность характеров ее персонажей. Во всяком случае серьезного стремления как-то восполнить драматургические пробелы сценическими средствами я не усмотрел. И можно ли вообще их восполнить? Некоторые режиссеры искренне убеждены в том, что интересный постановочный замысел способен «спасти» заведомо плохую пьесу. Уверенные заявления — я знаю (или еще говорят — я вижу), как из этого явного «ничего» сделать «нечто» — часто служат слабой материальной пропуском в репертуарную афишу. Однако практика показывает, что почти все подобные попытки оказываются иллюзорными, несостоятельными.

Справедливости ради, скажу, что в спектакле «Лунная радуга» есть интересно поставленные и хорошо сыгранные эпизоды. Например, новогодняя вечеринка, парная сцена молодых героев, финальный монолог Софьи Романовны (О. Мизюкова). Есть и несколько крепких актерских работ. Это, в первую очередь, А. Афанасьев в роли Славы, Б. Бровченко в роли Миши, Л. Романов в роли Прокопыча, Л. Подберезин в роли подполковника Хазова. Но в целом спектакль оставляет впечатление прямолинейности, поверхностности, а иногда и откровенной неуклюжести сценических решений.

Декорации художника Г. Прошина лишены какого-либо намека на образность. Порой даже кажется, что спектакль идет в репетиционных выгородках, настолько случайны, разностильны, не связаны единой мыслью отдельные детали оформления. Особые возражения вызывает примитивное, лобовое решение суперзанавеса. По-моему, и сам замысел этого плаката, и его воплощение на плоскости находятся за пределами профессионального искусства.

Как это ни грустно, но приходится констатировать, что постановка «Лунной радуги» не украсила репертуар и не дала творческой радости коллективу. Что ж, ни один творческий организм не застрахован от неудач. Важно в данном случае то, что в театре, как я понял, верно оценивают художественные достоинства спектакля. Известный советский режиссер Каарел Ирд как-то верно заметил, что посредственных театральных представлений всегда было больше, чем хороших, и в этом нет большой беды. Беда, по его словам, начинается тогда, когда театр считает свои посредственные спектакли хорошими.

К счастью, армавирцы далеки от подобного самообмана. Трезвый взгляд на свое творчество, отсутствие самолюбования — признак их силы, а не слабости. От театра, умеющего признавать неудачи, можно ждать и удач. И последующие три дня показали, что эти ожидания не безосновательны.

Р. КУШНАРЕВ.
(Продолжение следует).

ды человеческого существования.

По первому впечатлению (оно, видимо, и обмануло театр) — пьеса как пьеса. Но приглядевшись внимательно, начинаешь понимать, что все в ней — не более чем набор давно знакомых признаков, многократно использованных драматургических схем. Понадобился, допустим, автору так называемый народный характер. Пожалуйста: берется некая старушка, пересылающая речь «народной мудростью» типа «ешь пироги с грибами — держи язык за зубами», и образ готов. Или нужно отразить тему дружбы в многонациональной армейской среде. Это совсем просто. В пьесу вводятся роли молодых солдат, из которых один — армянин, другой — молдаванин. А вот как создается портрет нашей молодой современницы, достойной всяческого подражания: для этого нужно, чтобы дочь полковника, готовясь к поступлению в институт кинематографии, пошла (раз надо!) работать санитаркой в санчасть и не погнушалась к тому же любовью простого солдата. И так далее, и так далее. Сюжетные ходы пьесы по большей части надуманы или слабо мотивированы. Взять хотя бы гауптвахту, превращенную автором в нарушение элементарной логики в какой-то воскресный профилакторий, в котором наказанные солдаты ведут сладкую жизнь с разносолами, нарзаном и гаванскими сигарами.

Создается впечатление, что режиссер спектакля Н. Карелина и исполнители так и не заставили себя поверить в предлагаемые обстоятельства пьесы.